

УДК 903.4

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецкий областной краеведческий музей, Донецк, Украина

МАНИПУЛЯЦИИ В СТОЛБОВЫХ ЯМАХ (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы)

Авторы обращаются к материалам поселений различных культур эпохи поздней бронзы с целью проследить различные манипуляции, связанные со столбовыми ямами. Анализ доступного материала позволяет прийти к выводу, что часть приуроченных к столбовым ямам находок правомерно трактовать как следы строительных жертвоприношений, совершавшихся в ходе возведения постройки. Другие находки в ямах связаны с обрядами по установлению/блокированию контактов с иным миром. В период функционирования построек в них могли совершаться обряды, в контексте которых важную роль играли столбы. Даже после того, как столбы извлекались из ям, на местах их прежнего расположения порой производились определенные обрядовые действия, смысл которых пока неясен. Авторы выражают надежду, что их работа будет способствовать росту интереса к таким комплексам, как столбовые ямки с различными предметами – теме, которая все еще привлекает незаслуженно мало внимания.

Ключевые слова: столбовые ямы, эпоха бронзы, столбы, ритуалы.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-02

Исследователи, изучавшие постройки эпохи бронзы, уже давно обратили внимание на то, что в столбовых ямах порой оказываются различные артефакты. В частности, О.А. Кривцова-Гракова, публикуя материалы раскопок поселения саргаринско-алексеевской культуры Алексеевское, отметила присутствие в некоторых из этих ям фрагментов керамики, костей и обломков «очажных камней». По мнению автора, все эти предметы попали туда случайно, после извлечения столбов [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82]. В.С. Горбунов [1989, с. 71] считал, что кости и фрагменты керамики, находившиеся в столбовых ямах, служили для уплотнения засыпки. Использование камней (галек), костей животных и мелких фрагментов керамики в качестве забутовки столбовых ям допускали и другие исследователи [Обыденнов и др., 2001, с. 82; Фоменко та ін., 2007, с. 407; Раззоков, 2012, с. 62]. Принципиально иную гипотезу высказал Р.А. Мимоход. Он привел убедительные аргументы в пользу того, что различные предметы, обнаруживаемые в столбовых ямах, являются следами обрядовых действий (согласно его интерпретации – строительных жертвоприношений) [Мимоход, 1999]. К аналогичным выводам пришли и некоторые другие авторы. В частности, по мнению О.И. Новиковой и Й. Шнеевайса [2002], сосуды, обнаруженные в столбовых ямах поселения Чича-1, можно связать «...с комплексом строительных ритуальных действий». Указанные исследователи предположили, что люди помещали сосуды в столбовые ямы не только при совершении строительных жертвоприношений. Порой они могли руководствоваться и другими мотивами («например, получение духа-защитника») [Новикова, Шнеевайс, 2002, с. 110].

Признавая правомерность отнесения столбовых ям, содержащих различные артефакты, к разряду культовых комплексов, отметим, что осмысление этих комплексов следует продолжать. Это мы и попытались сделать в предлагаемой статье. Прежде всего вкратце опишем известные нам следы манипуляций в столбовых ямах построек эпохи бронзы.

На поселении **Шибаетово-1** (Челябинская обл., Россия) на так называемом западном участке в столбовой яме 18 были обнаружены фрагмент керамики и небольшой слиток бронзы [Нелин, 2004, с. 154, рис. 2]. Памятник относится к *периоду поздней*

бронзы, однако датировать сооружение, к которому относится упомянутая яма, затруднительно, поскольку в раскопе была обнаружена керамика разных культур – алакульской, федоровской, саргаринско-алексеевской.

На поселении *саргаринско-алексеевской культуры* **Алексеевское** (Костанайская обл., Казахстан) в столбовой яме 8 землянки 1 находились обломки «бронзового украшения» [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82]. В яме 141 той же постройки обнаружен фрагмент бронзового изделия, вероятно, ножа [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82]. В столбовых ямах землянки 3 данного поселения были выявлены три каменных «лощила для лощения посуды». Добавим, что в той постройке вообще было довольно много таких «лощил» (галек) [Кривцова-Гракова, 1948, с. 82].

На поселении *дугавской культуры*, исследованном на **Тамбарском водохранилище** (Кемеровская обл., Россия), в жилище 1 на дне некоторых столбовых ям находились кремневые отщепы [Бобров, 1993, с. 110].

На поселении *ирменской культуры* **Милованово-3** (Новосибирская обл., Россия) в жилище 7 в двух столбовых ямах, начинавших ряды, находились небольшие сосуды, поставленные вверх дном. Авторы публикации, трактуя эти находки как следы обрядовых действий, совершавшихся во время строительства жилища, сочли, что столбы в данные ямы поставлены не были, иначе сосуды не сохранились бы целыми [Сидоров, Новикова, 2004, с. 112] (ср.: [Мимоход, 1999, с. 176]).

На поселении *ирменской культуры* **Быстровка-4** (Новосибирская обл., Россия) в яме 8 жилища 3, локализовавшейся в юго-западном углу большой камеры постройки, близ входа в малую камеру, было выявлено несколько фрагментов от одного сосуда. Автор публикации трактовал яму как «хозяйственную» [Матвеев, 1993, с. 57]. На наш взгляд, данная яма и по размерам, и по своему размещению в системе бесспорных столбовых ям вполне может быть причислена к последним.

На городище *ирменской культуры* **Чича-1** (Новосибирская обл., Россия) в ряде столбовых ям или рядом с ними в специальных углублениях находились сосуды. Один из них был выкрашен красной краской, что, как отметили авторы публикации, «...дополнительно свидетельствует об особом его назначении» [Новикова, Шнеевайс, 2002, с. 109].

На поселении *сузгунской культуры* **Чудская Гора** (Тюменская обл., Россия) в заполнении некоторых столбовых ям жилища 1 были найдены угли, комки обожженной глины и фрагменты керамики [Потемкина и др., 1995, с. 18]. Угли были обнаружены и в отдельных столбовых ямах жилищ 2 и 6 данного поселения [Потемкина и др., 1995, с. 22, 29].

Довольно много случаев присутствия в столбовых ямах различных артефактов известно в *срубной культуре*.

На поселении **Береговское-I** (Башкортостан, Россия) в столбовой яме 2 постройки V находились фрагменты керамики. В столбовой яме 4 этой же постройки обнаружены раздробленные кости животных [Горбунов, 1989, с. 71].

В раскопе II поселения **Тюбяк** (Башкортостан, Россия) рядом с постройкой 2 в столбовых ямах найдены мелкие кости животных [Обыденнов и др., 2001, с. 23]. В столбовых ямах постройки 7 иногда встречались «...мелкие обломки керамики, камни и кости в качестве забутовки или засыпки культурным слоем» [Обыденнов и др., 2001, с. 82].

На поселении **Юматовское-II** (Башкортостан, Россия) в столбовой яме были найдены три фрагмента сосуда [Горбунов, 1989, с. 71].

На поселении **Чесноково-I** (Уральская обл., Казахстан) в столбовой яме постройки оказалась кварцитовая мотыга со следами сработанности [Лопатин, 1993, с. 87].

На поселении **Мирный** (Саратовская обл., Россия) в одной из столбовых ям жертвенного комплекса находились кости овцы и птицы, фрагменты керамики и кварцитовый скол [Лопатин, Миронов, 1983, с. 156; Лопатин, 1993, с. 76–77].

На поселении **Макаровская Речка** (Саратовская обл., Россия) в столбовой яме 10, исследованной на памятнике постройки, была выявлена заготовка для пряслица из кости животного [Изотова, 2006, с. 159].

На поселении **Мокрая Песковатка** (Саратовская обл., Россия) в столбовой яме 23 постройки 1 найдена заготовка костяной втулки, возможно, предназначавшейся для оформления плети или «скипетра» [Лопатин, 2006, с. 411; Лопатин, Четвериков, 2006, с. 117].

На поселении **Раздолье-1** (Тульская обл., Россия) в некоторых столбовых ямах постройки 1 находились фрагменты сосудов и костей животных [Гак, 2011, с. 50]. Наиболее показательны находки из ямы, локализовавшейся в юго-восточной части постройки. Е.Е. Антипина установила, что все 20 бывших в яме костей принадлежали скелету одного животного – не совсем взрослой особи мелкого рогатого скота (возраст – 2,5 года). Отсюда был сделан вывод, что в данном случае мы имеем дело с остатками ритуальной трапезы, целенаправленно собранными и закопанными близ столба [Антипина, 2011, с. 172, 178]. Этот вывод встретил поддержку у Е.И. Гака, опубликовавшего материалы Раздолья-1. Исследователь отметил, что кости попали в яму в связи с совершением какого-то обряда [Гак, 2011, с. 50].

К числу столбовых, возможно, относятся две ямы, находившиеся близ очага в постройке 6 поселения **Мосоловка** (Воронежская обл., Россия). В одной из них обнаружен сосуд, в другой – сосуд, внутри которого лежала массивная кувалда-молот [Пряхин, 1993, с. 50; Мимоход, 1999, с. 175]. Уточним, что у автора публикации были некоторые сомнения относительно такой интерпретации ям, а потому он назвал их столбовыми в кавычках [Пряхин, 1993, с. 47].

В постройке 34 того же поселения, близ центра юго-западной стенки котлована, были исследованы две ямы. В одной из них оказались небольшой сосуд, развал плавающей чаши и обломок литейной формы. В другой лежал обломок какого-то каменного орудия труда [Пряхин, 1993, с. 47]. Р.А. Мимоход [1999, с. 175] счел первую из ям столбовой. Возможно, это и так, ибо объект находился в одном ряду с бесспорными столбовыми ямами. Однако автор публикации склонен был считать, что обе упомянутые ямы «...собственно столбовыми... признать нельзя» [Пряхин, 1993, с. 47].

На поселении **Вареновка-III** (Ростовская обл., Россия) в столбовой яме, локализовавшейся в юго-восточной части жилища 3, было обнаружено костяное острие. По мнению В.В. Потапова [2002, с. 79, 90], в данном случае мы сталкиваемся со строительной жертвой.

На поселении **Мокрый Чалтырь** (Ростовская обл., Россия) в столбовых ямах двух жилищ были найдены кости животных [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Капитаново-I** (Луганская обл., Украина) в столбовой яме находились черепная крышка и фаланга пальца человека [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Капитаново-II** (Луганская обл., Украина) в столбовой яме была обнаружена костяная игла [Мимоход, 1999, с. 175]. В столбовой яме на том же поселении оказался сосуд [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Степановка** (Луганская обл., Украина) в заполнении некоторых столбовых ям помещения 1 жилищно-хозяйственного комплекса (далее – ЖХК) 1 найдены фрагменты костей и керамики [Бровендер, 2012, с. 39]. В столбовых ямах помещения 2 данного ЖХК выявлены фрагменты костей (на некоторых были следы охры), керамики, кусочки охры [Бровендер, 2012, с. 41]. Кости и фрагменты керамики находились и в двух столбовых ямах ЖХК 2 [Бровендер, 2012, с. 61].

На поселении **Червонэ Озеро-3** (Луганская обл., Украина) в столбовой яме 2 постройки 1 были обнаружены «...каменное и костяное изделия, связанные с горно-металлургической деятельностью» [Бровендер, 2010, с. 206]. Упомянутая столбовая яма находилась в центре ряда ям, вытянутого по длинной оси постройки.

На поселении **Усово Озеро** (Донецкая обл., Украина) в некоторых столбовых ямах жилища 10 были найдены фрагменты костей и керамики [Березанская, 1990, с. 28]. С.С. Березанская, рассматривая конструктивные особенности данной постройки, обратила внимание на яму, располагавшуюся к западу от котлована (примерно в 25 см от его края). В этой яме оказался человеческий череп. Автор публикации отнес яму к столбовым, поскольку та «хорошо вписывается в линию столбовых ям, проходящих вдоль северной стены жилища» [Березанская, 1990, с. 28]. Такая интерпретация ямы встретила поддержку у Р.А. Мимохода [1999, с. 177]. На наш взгляд, упомянутый череп действительно мог оказаться в яме вследствие жертвоприношения. Однако доказать, что яма являлась именно столбовой, затруднительно, тем более, что почти все, кроме двух (поселения Тюбьяк и Широкая Балка-II), известные нам следы манипуляций в столбовых ямах срубных построек выявлены внутри котлованов, а не вне их.

В столбовых ямах жилища 11 поселения Усово Озеро были обнаружены фрагменты керамики [Березанская, 1990, с. 29].

По мнению Р.А. Мимохода [1999, с. 175], в одной из столбовых ям жилища 9 этого поселения находилась поврежденная матрица для отливки топоров. Стоит отметить, что в публикации материалов данной постройки говорится о размещении литейной формы «...в небольшом углублении», которое столбовой ямой не названо [Березанская, 1990, с. 27].

На поселении **Ильичевка** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме жилища 6 была найдена костяная проколка [Мимоход, 1999, с. 175]. В столбовой яме хозяйственного помещения 1 этого же поселения выявлена рукоять для закрепления колющего предмета [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Дробышево-К** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме 1 частично исследованной постройки были фрагмент стенки сосуда и осколок кремня. В яме 2 той же постройки присутствовали пять фрагментов стенок сосудов и один фрагмент верхней части сосуда (располагались, в основном, вертикально). Наконец, в яме 5 были обнаружены два фрагмента стенок сосудов [Цимиданов, 2005, с. 254].

На поселении **Николаевка** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме жилища 5 оказался развал миниатюрного сосуда [Привалова, Привалов, 1987, с. 98].

На поселении **Макри-Хая** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме была найдена костяная проколка [Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Широкая Балка-II** (Донецкая обл., Украина) в столбовой яме III с внешней стороны у стенки котлована жилища обнаружен баночный сосуд с вдавлениями ниже края венчика [Горбов, Усачук, 1986, с. 22; Мимоход, 1999, с. 175].

На поселении **Буйловатая-17** (Донецкая обл., Украина) в небольшой яме, выявленной при исследовании жилища, был обнаружен развал сосуда. Не исключено, что яма являлась столбовой [Колесник и др., 1991, с. 11; рис. 28].

В срубной культуре, помимо случаев, когда культурные остатки были выявлены внутри столбовых ям, зафиксированы и случаи размещения данных остатков вне ям, но в непосредственной близости от них. В частности, на поселении **Горный-1** (Оренбургская обл., Россия) в пределах котлована комплекса 2, к югу от очага, находилась яма 113. В южной ее части в период функционирования комплекса находился столб. В яме было выявлено около 4210 костей животных (преобладали челюсти и ребра коров), 152 фрагмента керамики, кусок шлака и 11 «металлических образцов» [Черных, Лебедева, 2002, с. 107].

На многослойной **Зайчишминской** стоянке (Татарстан, Россия) вокруг трех столбовых ям легкого наземного жилища зафиксировано скопление фрагментов керамики и костей животных, а также – развал баночного сосуда [Казаков, Рафикова, 1999, с. 17].

На поселении **Нижняя Красавка** (Саратовская обл., Россия) в северной части котлована постройки 2 (вблизи дополнительного выхода из нее) вокруг остатков истлевшего столба лежали, образуя полукруг, две нижние челюсти крупного рогатого скота с отделенными резцовыми отделами. Данные челюсти входили в состав скопления артефактов (размер – 3,2x1,5 м), где присутствовали кости животных, в том числе еще одна такая челюсть, компактная группа камней, тупик из нижней челюсти крупного рогатого скота*, фрагменты керамики, растиральник. Согласно автору публикации, данный объект является остатками «домашнего святилища», связанного с культом «углового столба» [Лопатин, 2009, с. 41–42].

В постройке 2 упомянутого выше поселения **Раздолье-1** был исследован не менее интересный комплекс. У юго-восточной стенки котлована находилось, по мнению автора публикации [Гак, 2011], «...место отправления жертвенного культа». Объект представлял собой «культурную площадку», образовавшуюся в результате того, что вокруг уже стоявшего столба был срезан грунт на подовальном участке размерами 2x1,5 м. К западу от столба лежали раздробленные кости бычка (возраст – 10–12 месяцев). В заполнении объекта выявлены также угли, кусочки прокаленного грунта, 17 фрагментов сосудов и кремневый скол. Е.И. Гак [2011, с. 54–56] интерпретировал описанный комплекс как остатки строительного жертвоприношения. Е.Е. Антипиной удалось установить, что на площадку были положены кости без мяса. Некоторые из них были предварительно раздроблены, причем дробление не имело прагматичных целей. Консервация костей произошла очень быстро – их целенаправленно захоронили. Отталкиваясь от своих наблюдений, Е.Е. Антипина [2011, с. 168, 178] делает вывод, что близ столба находились тщательно собранные и похороненные остатки ритуальной трапезы.

На поселении **Сачково озеро** (Самарская обл., Россия) в котловане 1 была исследована яма 6, имевшая размеры 1,4x0,9 м. В восточной части данной ямы были, в свою очередь, две столбовые ямы. На дне ямы 6 зафиксирована охристая прослойка ярко-красного цвета, а рядом с самой ямой обнаружены куски охры. Авторы сделали вполне

* В публикации [Лопатин, 2009, с. 41–42] говорится о нижней челюсти лошади. Это ошибка: на рисунке [Лопатин, 2009, с. 50, рис. 4.-3] – левая половина нижней челюсти крупного рогатого скота – типичное сырье для изготовления тупиков [Усачук, 1996]. На ситуацию с тупиками из Нижней Красавки уже обращалось внимание [Подобед и др., 2011, с. 97].

справедливый вывод, что присутствие в комплексе охры «...указывает на возможность отнесения этого места к ритуальным сооружениям» [Васильева и др., 2008, с. 64].

На поселении **Красное-1А** (Тульская обл., Россия) в постройке 2 интересующие нас манипуляции производились уже после того, как она прекратила функционировать. В южном углу, где ранее размещался столб, возник небольшой зольник (диаметр – 0,55 м). В его заполнении, помимо углей и кусочков прокаленного грунта, выявлены фрагменты керамики и мелкие кальцинированные косточки. В нижней части зольника лежал кусок серо-голубой каолиновой глины размерами 10х7 см. Согласно автору раскопок, зольник имел «...ритуальное значение» [Гак, 2011, с. 21–22].

Заслуживают внимания и некоторые комплексы поселения **Усово Озеро**. В жилище 4 около столбовой ямы, размещавшейся у западной стенки, концентрировалось большое количество фрагментов керамики [Березанская, 1990, табл. III]. В жилище 5 вблизи некоторых столбовых ям (локализовались у северо-западной и юго-западной стенок) концентрировались кости животных и фрагменты сосудов. Добавим, что в данном жилище обнаружен «домашний жертвенник», на котором лежали глиняные поделки в виде животных и яиц. Он тяготел к одному из столбов [Березанская, 1990, табл. IV]. На том же поселении в жилище 8 столбовая яма диаметром около 20 см, находившаяся в закругленном юго-восточном углу котлована, локализовалась в северо-восточной части более обширной ямы диаметром около 40 см. При этом в юго-западной части последней обнаружены кости животных [Березанская, 1990, табл. VI]. В жилище 9 вблизи тяготевшей к западному углу котлована ямы концентрировались фрагменты керамики [Березанская, 1990, табл. VII]. Загадочный комплекс был исследован в северном углу этого же котлована. Там, к северо-западу от скопления костей*, размещался, как считает С.С. Березанская [1990], очаг, связанный с металлургическим производством. Объект представлял собой «шапку» золы, сцементированной «какой-то жидкостью». Мощность зольного слоя достигала 45 см. В нем выявлены прослойки ошлакованной глины, а также кости, многие из которых были обожжены. В основании «очага» находились два чашевидных углубления с диаметрами 1,6 и 0,5 м, стенки и дно которых были обожжены, равно как и перемычка между ними. В меньшем углублении обнаружены шлаки, обожженные камни, угли. Поблизости от «очага» выявлены около 20 обломков глиняных матриц, в том числе фрагмент формы для отливки топора. Самое интересное заключается в том, что с двух сторон от упомянутых чашевидных углублений обнаружены столбовые ямы. В их заполнении находились зола, угли, кости животных [Березанская, 1990, с. 27; табл. VII]. Возможно, образование объекта действительно связано с металлургическим процессом. Но разжигание огня вокруг столбов – действие совершенно невероятное. Отсюда следует вывод, что на момент предположительного литья бронзы столбы в данном углу котлована уже отсутствовали. Были ли они извлечены при перестройке жилища или функционирование «очага» происходило в уже заброшенном котловане, установить затруднительно. Тем не менее тяготение «очага» к месту, где ранее стояли столбы, скорее всего, не является случайным. Возможно, мы имеем дело со следами обряда, тождественного тому, который проводился в постройке 2 поселения Красное-1А.

В данной связи следует вернуться к материалам Азии. На поселении **Красный Яр-1** (Новосибирская обл., Россия) в жилище 5, относящемся к *еловской культуре*, на

* В его состав входили череп, ребра, лопатки и кости конечностей быка. Согласно автору публикации, скопление имело «культовое назначение» [Березанская, 1990, с. 27], с чем мы полностью согласны.

материковом выступе, разделявшем камеры постройки, «...непосредственно на пятне столбовой ямы» находилось скопление костей человека. Среди них обнаружена костяная «пуговица». По мнению А.В. Матвеева [1993], данный комплекс связан с культом мертвых. Как полагает автор, кости, «...скорее всего, лежали или висели в мешке, застегивавшемся костяной пуговицей» [Матвеев, 1993, с. 73]. Это предположение трудно доказать, равно как и опровергнуть. Но для нас в данном случае важно то, что кости могли оказаться на выступе материка лишь после того, как был извлечен столб, яму от которого они перекрыли.

Семантическую связь погребений со столбовыми ямами похоже демонстрируют и материалы городища **Чича-1**. Там в ряде жилищ *ирменской культуры* были выявлены погребения младенцев, которые, «...как правило, были вписаны в ряд столбовых ям» [Молодин и др., 2004, с. 286].

Практика обрядовых манипуляций в столбовых ямах, возможно, имела место в *сабашиновской культуре*. В частности, на поселении **Виноградный Сад** (Николаевская обл., Украина) в одной из таких ям были обнаружены кусок гранита и крупный фрагмент кости быка [Фоменко та ін., 2007, с. 407]. По мнению авторов публикации, артефакты подклинивали столб [Фоменко та ін., 2007, с. 407]. Однако, на наш взгляд, нельзя исключать и того, что камень и кость оказались в яме вследствие неутилитарных действий.

Более уверенно можно констатировать существование интересующих нас обрядовых действий в *восточно-тишинецкой культуре*. Так, на поселении **Пустынка** (Черниговская обл., Украина) в столбовой яме 12 жилища 2 были выявлены фрагменты керамики [Березанская, 1974, с. 23]. В столбовой яме 9 северного помещения жилища 6 данного поселения оказались фрагменты глиняных вальков [Березанская, 1974, с. 31]. В столбовой яме 3 (центральной) хозяйственной постройки 1 обнаружены фрагменты керамики [Березанская, 1974, с. 43]. В столбовых ямах хозяйственной постройки 7 находились куски обожженной глины, кости, фрагменты сосудов, пряслице [Березанская, 1974, с. 47]. В столбовых ямах хозяйственной постройки 8 выявлены фрагменты сосудов [Березанская, 1974, с. 48].

Интересны для рассматриваемой темы и материалы *бондарихинской культуры*. На поселении **Бузовка** (Днепропетровская обл., Украина) в столбовой яме жилища был обнаружен фрагмент дерева с застрявшим в нем бронзовым наконечником стрелы [Ромашко, 1995, с. 20]. На поселении **Карьерное** (Луганская обл., Украина) в яме 7 объекта 1 (часть постройки) находились обтесанные куски песчаника. Данная яма располагалась вблизи края постройки и имела диаметр около 20 см [Иваницкий, 2012, с. 159, 165, рис. 2], что делает ее принадлежность к столбовым весьма вероятной.

Р.А. Мимоход [1999] связал существование практики жертвоприношений в столбовых ямах с культом опорного столба жилища. Исследователь со ссылкой на ведическую традицию отметил, что этот столб в «ритуально отмеченные» моменты мог восприниматься как жертвенник, ибо сочетал в себе символику мирового древа и оси мироздания, маркировал «центр мира», отождествлялся с Пурушей. Соответственно, столб мог рассматриваться как объект, близ которого, возможно, было сообщение между тремя сферами космоса [Мимоход, 1999, с. 177]. В связи с данной тематикой нелишне коснуться и некоторых связанных с опорным столбом верований, которые зафиксированы у таджиков. Этот объект в различных регионах этнической территории таджикского народа именуется по-разному («столб приветствий», «царский столб»,

«счастье дома»), но общим является почтительное отношение к нему. Столбу приносят жертвы в дни празднования Навруза и во время похорон, к нему, входя в дом, обращаются с приветствием, от него ожидают помощи во время стихийных бедствий, он рассматривается и как обитель предков [Бабаева, 1993, с. 58–59]. Перечисленные факты свидетельствуют о том, что с опорными столбами коррелировались не только строительные жертвы, но и жертвы, приносившиеся в ходе различных обрядов, которые совершались в уже функционировавшем жилище.

Как установил Р.А. Мимоход [1999, с. 175], чаще всего в столбовых ямах оказывались сосуды, в том числе фрагментированные, и кости животных. Собранные нами материалы показывают аналогичную картину. В частности, *сосуды, а чаще их фрагменты* обнаружены в столбовых ямах, по меньшей мере, 28 построек (с учетом случаев, когда керамические фрагменты находились не в самой яме, но в непосредственной близости от нее) и одного жертвенного комплекса*. Заметим, что практика помещения керамики в столбовые ямы фиксируется на огромной территории и на протяжении значительного временного отрезка. Напомним, что ее демонстрируют, например, памятники срубной, восточно-тшинецкой, лугавской, ирменской и сузгунской культур.

Кости животных выявлены в столбовых ямах или в непосредственной близости от них в 15 постройках и одном жертвенном комплексе. Данный показатель, как мы видим, значительно ниже, чем соответствующий показатель по керамике. Кроме того, практически все учтенные случаи локализации в столбовых ямах костей животных зафиксированы в срубной культуре (кроме двух, известных нам в сабатиновской и восточно-тшинецкой культурах). Очевидно, здесь мы сталкиваемся с «этнографическими» различиями манипуляций, совершавшихся в ямах.

Численное преобладание костей животных и фрагментов керамики в столбовых ямах и вблизи них над другими артефактами, имевшими ту же локализацию, представляется нам весомым аргументом в пользу того, что рассматриваемые артефакты являются в основном следами жертвоприношений. Данные письменных и этнографических источников по самым разным народам свидетельствуют, что, как правило, люди жертвовали представителям высших сил (божествам, предкам и т.д.) пищу и напитки. Это имело место, например, у индоариев [Бэшем, 1977, с. 258], иранских народов, исповадовавших зороастризм [Шишов, 2006, с. 279], индоиранцев Гиндукуша [Йеттмар, 1986, с. 116, 393 и др.], древних греков [Одиссея, XI, 25–28], славян [Боровский, 1982, с. 28; Головацкий, 2004, с. 117], народов Сибири [Токарев, 1986, с. 173; 2003, с. 41], русских нового времени [Криничная, 2011, с. 20–21]. Одной из форм жертвоприношений, которая в прошлом была широко распространена (а в ряде культур дожила и до современности), являлось жертвование скота. В ходе упомянутых обрядов их участники нередко большую часть мяса жертвенных животных съедали сами. Так, например, поступали древние германцы [Афанасьев, 1995а, с. 131], индоарии и иранцы [Бойс, 1987, с. 12], калаши [Йеттмар, 1986, с. 393], айсоры [Эйвазов, 1884, с. 324], осетины [Афанасьев, 2012, с. 123]. Подобные жертвоприношения, когда люди наделяли «адресатов» символическими долями жертвенной пищи, забирая себе долю реальную, известны у народов самых разных уголков Земли [Тайлор, 1989, с. 476]. В свете

* Увы, подсчитать число ям не представляется возможным, ибо в ряде публикаций указано лишь то, что в столбовых ямах данной постройки находились фрагменты керамики, но не уточняется, сколько было таких ям.

всех этих параллелей вполне понятно, почему в столбовых ямах остеологические находки, как правило, представлены лишь разрозненными костями. Очевидно, ситуация с фрагментами керамики аналогична. Содержимое сосудов могло съедаться (выпиваться), а сама посуда затем разбиваться. Практика обрядовой порчи сосудов имела место у многих народов [Цимиданов, 2011б, с. 11–12].

Стоит обратить внимание на один нюанс, касающийся столбовых ям срубной культуры. Похоже, кости животных и керамика редко попадали одновременно в одну яму. Во всех случаях, когда в публикации конкретизируется, какие именно из упомянутых артефактов находились в столбовой яме, там были или кости (Береговское I, постройка V, я. 4; Раздолье-1, постройка 1, Мокрый Чалтырь), или керамика (Береговское I, постройка V, я. 2; Юматовское II, Капитаново-II, Усово Озеро, жилище 11, Дробышево-К, Николаевка, жилище 5, Широкая Балка-II, яма III, Буйловатая-17). Если же кости животных и керамика все-таки коррелировались, то это, как правило, имело место в комплексах, которые в том или ином смысле являлись неординарными. Так, на поселении Мирный яма, где находились и фрагменты керамики, и кости, выявлена в пределах жертвенного комплекса. На Раздолье-1 (постройка 2) вокруг столба была сделана «культовая площадка» [Гак, 2011, с. 55]. Яма из комплекса 2 Горного-1 причислена авторами публикации к группе «сакральных и жертвенных» [Черных, Лебедева, 2002, с. 101]. В постройке 2 Нижней Красавки к столбу примыкало «домашнее святилище». На поселениях Красное-1А (постройка 2) и Усово Озеро (жилище 9) объекты, приуроченные к столбовым ямам, функционировали после того, как столбы были извлечены. В жилище 5 Усова Озера находился домашний жертвенник.

Итак, можно выделить три группы комплексов, приуроченных к столбовым ямам:

- 1) комплексы, где остатками жертвоприношения являлась керамика;
- 2) комплексы, где остатки жертвоприношения были представлены костями животных;
- 3) комплексы, где остатками жертвоприношения являлись и кости животных, и керамика.

Данная проблема заслуживает дальнейшего изучения на материалах более репрезентативной сводки. Пока же стоит отметить, что существование комплексов перечисленных групп вряд ли обусловлено локальными различиями в обрядовых манипуляциях. Это видно, в частности, из того, что на поселении Береговское-I в одной постройке были выявлены как яма с фрагментами костей, так и яма с фрагментами керамики. Скорее всего, различие содержимого ям – следствие того, что люди обращались к разным «адресатам», каждому из которых полагалась специфическая жертва.

Коснемся теперь семантики некоторых из выявленных в ямах некерамических изделий. Но прежде заметим, что в контексте рассматриваемых комплексов (по крайней мере, в некоторых случаях) основную знаковую нагрузку могла иметь яма, а не столб, в которой он был установлен. Делая такое предположение, мы исходим из того, что во многих традициях ямы нередко рассматривались как вход в потусторонний мир [Афанасьев, 1995б, с. 14; Михайлов, 2001, с. 89; Криничная, 2011, с. 9]* или, используя современную терминологию, выступали в качестве потенциального канала связи с

* Любопытен в данной связи один эпизод из «Одиссеи». Герой поэмы, попав в царство мертвых, перед тем как вступить в контакт с его обитателями, выкапывает мечом яму для жертвоприношения [Одиссея, XI, 24–26].

этим миром. То, что и население эпохи бронзы могло рассматривать ямы, в том числе столбовые, таким же образом, на наш взгляд, подкрепляют два аргумента:

1. В столбовых ямах жилища 7 поселения Милованово-3 обнаружены сосуды, перевернутые вверх дном. Но перевернутые сосуды, равно как и другие перевернутые предметы, обычно ассоциировались с потусторонним миром и нечистью [Смоляк, 1980, с. 182; Кармышева, 1986, с. 153, 161; Персидские народные сказки, 1987, с. 241; Дынин, 2004, с. 188], о чем одному из нас уже приходилось писать [Цимидапов, 2011а, с. 171].

2. В столбовой яме на поселении Капитаново-I находилась фаланга пальца человека. Но палец, в частности, отчлененный, в некоторых контекстах выступал в качестве медиатора между миром живых и миром мертвых [Цимидапов, 2011а, с. 169–170].

Словом, столбовые ямы вполне могли рассматриваться носителями культур бронзового века в качестве каналов связи с потусторонним миром. Необходимость в контактах с этим миром возникала, в частности, тогда, когда люди хотели получить помощь от его обитателей.

Возвращаясь к вещам из столбовых ям (включая вещи, тяготевающие к данным ямам), отметим, что среди них, помимо костей животных (изредка и человека*) и керамики, присутствуют самые разнообразные предметы. Часть последних можно разделить на несколько блоков:

1. *Колющие орудия* – четыре случая, в том числе *костяные острия* (Вареновка-III, жилище 3), *игла* (Капитаново-II), *проколка* (Ильичевка, жилище 6; Макри-Хая).

2. *Наконечники стрел* – три случая (Атасу-I, землянка 2; Бузовка).

3. *Осколки камня* – четыре случая, в том числе *кремня* (Раздолье-1, постройка 2; Дробышево-К, яма 1; Шибаево-1, яма 18) и *кварцита* (Мирное). Возможно, *обломок каменного орудия*, выявленный в яме из постройки 34 Мосоловского поселения, относится к этому же блоку артефактов.

4. *Орудия, связанные с горным делом и металлургией*, – не менее двух случаев, в том числе «...каменное и костяное изделия, связанные с горно-металлургической деятельностью» (Червонэ Озеро-3, постройка 1, яма 2) и *фрагменты матриц* (Усово Озеро, жилище 9, «очаг» в северном углу). Не исключено, что к этому блоку относятся также *матрица*, лежавшая в «небольшом углублении» в последнем жилище, *молот*, находившийся в сосуде, поставленном в одну из ям постройки 6 Мосоловского поселения, *развал плавильной чаши и фрагмент матрицы*, выявленные в одной из ям постройки 34 этого же поселения.

5. *Пряслица* – два случая (Макаровская Речка; Пустынка, постройка 7).

6. *Гальки* – два или три случая (Алексеевское, землянка 3);

То, что в столбовые ямы относительно часто попадали *колющие предметы***, на наш взгляд, может быть объяснено следующим. Открытие канала связи, т.е. нарушение границы между мирами, считалось крайне опасным для людей, в частности, чреватым наступлением засухи или эпизоотии. Поэтому к числу важных ритуалов относилось

* Упомянув о костях человека в столбовых ямах, обратим внимание на зафиксированный А.Т. Болотовым [1993, с. 392] в конце 1760-х гг. рассказ о ярком случае наведения порчи с помощью человеческой кости, тайно закопанной в столбовую яму при установке новых ворот.

** Возможно, к этому же блоку относится и фрагмент бронзового ножа (?) из ямы 8 землянки 1 Алексеевского поселения.

восстановление данной границы, выпроваживание за пределы «своего» мира представителей «чужого» мира [Байбурин, 1990, с. 12–13]. Именно эту цель и могло преследовать помещение в ямы острых предметов, ибо последние во многих традициях считались способными отворачивать злые силы [Подобед, Цимиданов, 2010, с. 114–115; Подобед и др., 2013, с. 33–34].

Аналогичную функцию могли выполнять и *осколки камня*. Нам уже приходилось писать о том, что кремень, равно как и иные камни, мог использоваться в ритуалах по обновлению нарушенной границы между мирами [Цимиданов, 1995]. Не исключено, что аналогичной была семантика *галек*. Впрочем, применительно к последним правомерно выдвинуть и иное предположение: гальки могли использоваться в обрядах по вызыванию дождя. Данное предположение базируется на этнографических материалах по народам Средней Азии [Короглы, 1976, с. 66–89].

Блокировать канал связи призвана была, вероятно, и мотыга, найденная в столбовой яме на поселении Чесноково-Г*. Выдвигая данное допущение, мы исходим из того, что в эпоху бронзы мотыги, вероятно, использовались в ритуалах создания магических границ [Иванова, Цимиданов, 1998].

Применительно к некоторым из найденных в столбовых ямах предметов возможно дать две диаметрально противоположные трактовки. К таковым относятся, в частности, *пряслища*. Эти изделия являлись деталями веретен, а последние использовались в самых разнообразных обрядах и магических действиях (см., например: [Боряк, Герасимчук, 1990, с. 31–36; Глушкова, 2006, с. 51–52; Авилова, 2010, с. 40–43]). Но, оказываясь в канале связи, веретено (или – символизировавшее его пряслище) прежде всего играло роль медиатора между мирами [Боряк, Герасимчук, 1990, с. 34–35; Полидович, Полидович, 1999, с. 220; Цимиданов, 1999, с. 222]. Роль же медиаторов, как известно, двояка. Они используются как для размыкания канала связи, так и для замыкания его. Отсюда дать однозначную трактовку пряслищам из столбовых ям трудно. Заметим попутно, что не только поселенческие, но и погребальные комплексы порой ярко демонстрируют медиативность пряслищ. Так, в кургане №1 могильника эпохи поздней бронзы Актау (Казахстан) фрагментированное пряслище было выявлено близ разрыва в кромлехе (снаружи) [Баландина, Астафьев, 1996, с. 135].

К «двусмысленным» предметам относятся также *атрибуты металлургов*. У многих народов железного века кузнецы считались посредниками между мирами. Соответственно, их и боялись, и нуждались в их связях с иным миром [Байбурин, 1990, с. 13]. Очевидно, подобные представления были связаны и с металлургами эпохи бронзы. Отсюда их атрибуты могли использоваться как для вступления в контакт с иным миром, так и для замыкания канала связи. Здесь стоит упомянуть любопытный комплекс, применительно к которому трактовку связанным с металлургией артефактам дать все-таки можно. На поселении *трушниковской культуры Мало-Красноярка* (Восточно-Казахстанская обл., Казахстан) постройка, где производилось литье, на определенном этапе была разобрана, после чего столбовые ямы целенаправленно забили шлаком [Черников, 1960, с. 43]. На наш взгляд, целью

* По мнению Р.А. Мимохода [1999, с. 176], мотыга находилась в столбовой яме и на поселении Атасу-Г, Казахстан, помещение 2 федоровской культуры. Однако, строго говоря, из текста публикации, на которую ссылается исследователь, не вполне ясно, была ли яма именно столбовой [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 30].

данного действия было стремление заблокировать каналы связи. Данная связь была, вероятно, необходима в период функционирования постройки, но когда литье прекратилось, надобность в ней отпала.

К числу медиативных предметов, выявленных в столбовых ямах, относятся, вероятно, и *наконечники стрел* с поселений Атасу-I и Бузовка. Медиативная функция стрел хорошо известна по данным фольклора и этнографии. В частности, стрела считалась «транспортным средством» для переправы в иной мир [Михайлов, 2005, с. 59; Цимиданов, 2007, с. 25–27]. Кроме того, она являлась символом мировой оси, соединяющей миры [Андреев, Саенко, 1992, с. 189]. Отсюда нельзя исключать того, что стрела из Атасу-I и Бузовки попала в столбовые ямы в ходе обряда по размыканию канала связи. Однако, если мы учтем, что данные орудия, будучи острыми, наделялись функцией отвращать злые силы [Андреев, Саенко, 1992, с. 157], то стрела в столбовой яме, напротив, может быть трактована как предмет, призванный замкнуть канал.

Тупик из нижней челюсти крупного рогатого скота, присутствовавший в размещавшемся близ столба «домашнем святилище» постройки 2 поселения Нижняя Красавка, с некоторой натяжкой можно трактовать как атрибут для размыкания канала связи. Выдвигая такое допущение, мы исходим из того, что в так называемой грабительской шахте кургана Большой Дедуровский Мар (Оренбургская обл., Россия), вырытой носителями вольско-лбищенской культурной группы, тупик коррелировался с артефактами, которые связаны с представлениями о пути в иной мир [Подобед и др., 2011, с. 104, 113–114]. Правда, тупик Нижней Красавки сделан из челюсти животного, а тупик Большого Дедуровского Мара – из тазовой кости. В итоге нет уверенности, что семантика обоих изделий была тождественной, а потому слово «натяжка» в данном случае вполне уместно.

В столбовых ямах и вблизи них, как отмечалось выше, присутствовали и другие изделия: слиток бронзы (Шибаетово-1), «бронзовое украшение» (Алексеевское, землянка 1, я. 8), растиральник (Нижняя Красавка, постройка 2), заготовка костяной втулки (Мокрая Песковатка, постройка 1, я. 23), рукоять орудия (Ильичевка, хозяйственное помещение 1), обтесанные куски песчаника (Карьерное). Для выдвигания каких-либо предположений относительно семантики перечисленных изделий данных пока недостаточно.

Столь же трудно интерпретировать выявленные в столбовых ямах или близ них угли и комки обожженной глины (Чудская гора, жилища 1, 2, 6; Раздолье-1, постройка 2; Красное-1А, постройка 2; Усово Озеро, жилище 9; Пустынка, хозяйственная постройка 8). Ясно лишь то, что упомянутые субстанции связаны с представлениями об огне. То же, возможно, касается и охры (Сачково озеро, котлован 1; Степановка, ЖХК 1, помещение 2). Не исключено, что в данных случаях мы имеем дело со следами каких-то очистительных действий, но для рассмотрения этой проблемы археологических материалов пока недостаточно.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. В ряде культур эпохи бронзы, особенно срубной, практиковались различные манипуляции, связанные со столбовыми ямами.

2. Часть приуроченных к столбовым ямам находок, но далеко не все, правомерно трактовать как следы строительных жертвоприношений, совершавшихся в ходе возведения постройки. К таковым относятся прежде всего кости животных и керамика, выявленные в ямах.

3. Некерамические изделия и камни, находившиеся в ямах, скорее всего, связаны с обрядами по установлению контактов с иным миром, в одних случаях, или блокированием канала связи с этим миром – в других.

4. В период функционирования построек в них могли совершаться обряды, в контексте которых важную роль играли столбы. Следы таких обрядов – кости и керамика, выявленные вне столбовых ям, но вблизи них, в том числе на специально подготовленных площадках. Учитывая, что столбы (а также и другие вертикально размещающиеся объекты) у многих народов воспринимались как символ связи миров [Терлецкий, 2009, с. 184], можно допустить, что данные обряды преследовали цель заручиться поддержкой высших существ, когда в том возникала необходимость.

5. Даже после того, как столбы извлекались из ям, на местах их прежнего расположения порой производились определенные обрядовые действия, смысл которых, впрочем, выяснить пока трудно.

В заключение отметим, что столбовые ямы, в которых присутствовали различные артефакты, все еще привлекают незаслуженно мало внимания. Авторы выражают надежду, что их статья, как и работа Р.А. Мимохода [1999], будет способствовать росту интереса к подобным комплексам.

Библиографический список

Андреев В.Н., Саенко В.Н. О семантике стрел в скифском погребальном обряде // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1992. Т. III. С. 157–162.

Антипина Е.Е. Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. С. 166–201.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995а. Т. 2. 400 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995б. Т. 3. 416 с.

Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы о методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // Российская археология. 2012. №2. С. 113–126.

Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX в.). Душанбе: Дониш, 1993. 156 с.

Баландина Г., Астафьев А. Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара: Диалог, 1996. Вып. 1. С. 133–155.

Березанская С.С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев: Наукова думка, 1974. 176 с.

Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 150 с.

Бобров В.В. Жилища лугавской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. Барнаул, 1993. С. 118–132.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 304 с.

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. Т. 2: 1760–1771. М.: ТЕРРА, 1993. 544 с.

Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев: Наукова думка, 1982. 104 с.

Боряк О.О., Герасимчук О.В. Веретено та пряслиця у слов'янській міфологічній традиції // Народна творчість та етнографія. 1990. №1. С. 30–36.

Бровендер Ю.М. Поселение Червонэ Озеро-3 донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы // Донецкий археологический сборник. 2009/2010. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2010. № 13/14. С. 203–221.

- Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск, 2012. 236 с.
- Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977. 616 с.
- Васильев Ю.М. Мемориальные погребения (кенотафы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Издательский дом «Наука», 2003. С. 39–42.
- Васильева И.Н., Козин Е.В., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Поселение Сачково Озеро // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 58–102.
- Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. 224 с.
- Глушкова Т.Н. История изучения древнего плетения и ткачества в отечественной археологии. Сургут: РИО СурГПУ, 2006. 96 с.
- Головацький Ю.Ф. Виклади давньослов'янських легенд, або міфологія // Українські традиції. Харків, 2004. С. 87–127.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н. Отчет о работе Новоазовской экспедиции в 1986 г. // Научный архив ИА НАН Украины, 1986/46.
- Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в Лесостепном Приуралье. Куйбышев: КГПИ, 1989. 135 с.
- Дынин В.И. «Перевернутый мир» русских народных верований // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. Вып. 10. С. 175–193.
- Иваницкий В.Р. Поселение бондарихинской культуры Карьерное в среднем течении Северского Донца // Донецкий археологічний збірник. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2012. №16. С. 158–176.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В. Ямные погребения с мотыгами в Северо-Западном Причерноморье // Доба бронзи Доно-Донецького регіону. Київ; Вороніж, 1998. С. 40–42.
- Изотова М.А. Поселение эпохи поздней бронзы Макаровская Речка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 154–172.
- Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. Альметьевск, 1999. 120 с.
- Кармышева Б.Х. Архаические символы в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 139–181.
- Колесник А.В., Горбов В.Н., Усачук А.Н., Подобед В.А. Отчет о работах экспедиции Донецкого областного краеведческого музея и областной организации Общества охраны памятников в 1991 г. // Научный архив ИА НАН Украины, 1991/165.
- Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 240 с.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник: Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XVII. С. 57–164.
- Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.
- Лопатин В.А. Поселения // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / САИ. Вып. В1-10. Саратов, 1993. С. 66–87.
- Лопатин В.А. Песковатское поселение и могильник срубной культуры (к вопросу о «комплексах памятников») // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. I. С. 411–413.
- Лопатин В.А. Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 38–51.
- Лопатин В.А., Миронов В.Г. Работы Заволжского отряда // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 154–156.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 107–131.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.

Мимоход Р.А. Строительные жертвоприношения в жилищах со столбовой конструкцией на поселениях срубной культуры // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999. С. 175–181.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с.

Нелин Д.В. Шибаво-1: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1: Исторические науки. 2004. №2. С. 150–180.

Новикова О.И., Шнеевайсс Й. Контекст местонахождения сосудов как свидетельство обрядовых действий (по материалам поселения Чича-1) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 109–111.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Изд-во Баш. гос. пед. ун-та, 2001. 159 с.

Персидские народные сказки. М.: Наука, 1987. 504 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Фаворит, 2011. Вып. 12. С. 86–124.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. №5(17). С. 23–44.

Подобед В.А., Цимиданов В.В. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецкий археологический збірник. 2009–2100. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2010. №13/14. С. 98–120.

Полидович Ю.Б., Полидович Е.А. Прядение и качество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 109. С. 217–223.

Потапов В.В. Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка-III в Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азов, 2002. Вып. 18. С. 70–94.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 207 с.

Привалова О.Я., Привалов А.И. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 94–107.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. Кн. первая. 106 с.

Раззоков Ф.А. Новые исследования поселения Саразм в Таджикистане // Записки Института истории материальной культуры. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНОВ, 2012. №7. С. 56–65.

Ромашко В.А. Поздний бронзовый век в пограничье Лесостепи и Степи Левобережной Украины (XII–X вв. до н.э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1995. 92 с.

Сидоров В.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 104–124.

Смоляк А.В. Ульчи // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 182–187.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

Терлецкий Н.С. Некоторые представления о посохе у населения Центральной Азии // Иран-Наме. 2009. №4(12). С. 184–192.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. 576 с.

Усачук А.Н. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 66–71.

Хоменко В.М., Товкайло М.Т., Требух О.О. Дослідження Миколаївської експедиції на Південному Бузі // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Київ; Запоріжжя: Дике поле, 2007. С. 405–408.

Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населення срубної культури // Текстиль епохи бронзи Євразійських степей. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 109. С. 224–227.

Цимиданов В.В. Раскопки поселения бронзового века у пос. Дробышево (Среднее Подонцовье) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Слов'янськ: Печатный двор, 2005. С. 252–271.

Цимиданов В.В. Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходжений // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2007. Вып. 1(40). С. 17–36.

Цимиданов В.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребений энеолита – эпохи бронзы кургана «Розкопана Могила» (Донбасс) // Археологический альманах. Донецк, 2011а. №25. С. 156–179.

Цимиданов В.В. Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире // Літопис Донбасу. Донецьк, 2011б. №19. С. 10–35.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. 272 с.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. Поздняя фаза: комплекс №2 // Каргалы. Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 92–109.

Шишов А. Таджики: (этнографическое исследование). Алматы, 2006. 392 с.

Эйвазов П. Некоторые сведения о селе Койласар и об Айсорак // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. четвертый. Отдел первый. С. 284–326.

V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov
MANIPULATIONS IN POLE PITS
(Bronze Age cultures of Asia and Eastern Europe)

The authors refer to the materials of the settlements of various cultures of the late Bronze Age in order to investigate diverse manipulations in the pole pits. Analyzing the available material the authors have come to the conclusion, that some of the findings connected with the pole pits should be interpreted as the traces of sacrifices offered in the course of the construction of the pits. The other findings are associated with the rites of establishing/blocking the contacts with the other world. These rituals, where the use of poles was meaningful, would have been performed in the pits during their life-cycle. Even after the poles had been removed from the pits, some ritual actions were occasionally performed in these places, though the significance of the rituals is not clear yet. The authors hope that their work will contribute to considerable interest in such complexes as the pole pits along with the various objects found there, since not much attention has been paid to the subject.

Keywords: pole pits, the Bronze Age, poles, rituals.